

одним из средств достижения этой цели, причем достаточно не «беззубым». Довольно странно в этом отношении замечание Л. Троцкого, который в статье «Футуризм» указывал на малодейственность сатиры Маяковского («Сатира Маяковского бегла и поверхностна... приближительна: беглые наблюдения со стороны иногда на палец, а иногда и на ладонь от цели» (Троцкий 1991: 124).

На основе вышесказанного можно заключить, что восприятие современниками «смеющегося Маяковского» было далеко не однозначным: от полного неприятия его «рыночного» юмора²⁷ (Слоним 1922: 4) и отказа Маяковскому в последнем чувстве до полного одобрения социальной окрашенности смеха и оправдания в связи с этой окраской преобладания иронии и сатиры в произведениях поэта. Отметим при этом, что тщательная шлифовка Маяковским приемов при создании сатирического образа не должна вводить в заблуждение относительно недостатка остроумия у его автора, а лишь повышает его «действенность» и процент «попадания в цель» (подробнее о комическом в творчестве В. Маяковского см.: Култышева 2003).

ЛИТЕРАТУРА

- Аничков Е.В. 1923. Новая русская поэзия. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова.
Анненков Ю. 1960. Путь Маяковского // Возрождение. №106. Париж.
Зелинский К. 1959. На рубеже эпох. Литературные встречи 1917 – 1920-х гг. М.: Советский писатель.
Карабчиевский Ю.А. 1990. Воскресение Маяковского. М.: Советский писатель.
Кукрыниксы. 1963. Владим Владимыч // Юность. № 6.
Култышева О.М. 2003. Феномен В. Маяковского: восприятие современников. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
Левидов М. 1923. О футуризме необходимая статья // ЛЕФ. № 2.
Маяковский В.В. 1955 – 61. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. I. // Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна и др. М.: Гослитиздат.
РГАЛИ. Фонд № 1497. Каменский Василий Васильевич. Опись 2. Ед. хр. 12. Воспоминания о В.В. Маяковском. 1930-е. «Маяковский-юноша в Тифлисе» (из «Книги воспоминаний»). 69 л.
РГАЛИ. Фонд № 2145. Шершеневич В. Г. Опись 1. Ед. хр. 73. «Великолепный очевидец» (Поэтические воспоминания 1910 – 25 гг.). 1932. Л. 106.
Словарь литературоведческих терминов. 1974 // Тимофеев Л.И., Тураев С.В. (ред.-сост.). М.: Просвещение.
Слоним М. 1922. Литература наших дней // Новости литературы. Кн. 1. Берлин.
Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. 1977. Русская сатирическая литература нач. XX в. М.: Наука.
Троцкий Л. 1991. Футуризм // Литература и революция. Репринт. Печ-ся по изд-ю 1923 г. М.: Политиздат.
Черный Саша / Саша Черный. Стихотворения. 1991 / Сост. и вступ. ст. Кривина Ф. М.: Художественная литература.

УДК 82.091

Л.А. Лысенко

ЭВОЛЮЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА Б. ЗАЙЦЕВА И И. ШМЕЛЕВА: ОТ ИМПРЕССИОНИЗМА ДО ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА

Аннотация. Настоящая статья ставит своей целью проследить творческий путь И. Шмелева и Б. Зайцева в контексте двух литературно-художественных методов: импрессионизм и духовный реализм. Так, в начале творческого пути оба автора тяготели к импрессионизму, особенно эта тенденция прослеживается в творчестве Бориса Зайцева. Однако впоследствии Шмелев и Зайцев писали в рамках реализма. Сегодня уже можно утверждать, что ведущим методом их творчества стал «духовный реализм». Этот термин введен известным литературоведом А. Любомудровым в процессе тщательного анализа произведений этих авторов, созданных в период эмиграции. Он утверждает, что это метод «художественного освоения духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» (Любомудров 2003: 38). В настоящей статье исследуются различные

вариации этого метода: «реализм в высшем смысле», о котором впервые заговорил Ф. Достоевский, «христианский реализм» (В. Захаров и И. Есаулов) и «православный реализм» (Н. Коняев). Создатели данных терминологических сочетаний считают, что термин «духовный реализм» в значительной мере уступает этим методам, так как не охватывает всей глубины посыла христианского мироощущения, которые изначально закладывали в свои произведения русские писатели, придерживающиеся в своем творчестве духовной тематики. Однако при соотнесении основных положений этих методов, следуя за мнением А.П. Черникова, М.М. Дунаева и других литературоведов, приходим к выводу, что творчество Шмелева и Зайцева реализовано в рамках именно духовного реализма, что позволило авторам создать образа православной России с целью утверждения положительного духовного идеала, понимаемого в христианских традициях.

Ключевые слова: Шмелев; Зайцев; реализм; импрессионизм; духовный реализм; христианство.

Сведения об авторе: Лысенко Лидия Анатольевна, учитель русского языка и литературы МБОУ «СШ №3» г. Нижневартовска.

Контактная информация: 628624, г.Нижневартовск, ул.Мира, 76б, 8 (3466) 45-95-81, e-mail: lla-08@mail.ru

L.A. Lysenko

EVOLUTION OF THE CREATIVE METHOD B. ZAITSEV AND I. SHMELEV: FROM IMPRESSIONISM TO SPIRITUAL REALITY

Abstract. This article aims to follow the creative path of I. Shmelev and B. Zaitsev in the context of two literary and artistic methods: Impressionism and spiritual realism. So, at the beginning of the creative path, both authors gravitated towards impressionism, especially this tendency is traced in the work of Boris Zaitsev. However, later Shmelev and Zaitsev wrote in the framework of realism. Today you can already say that the leading method of their work was «spiritual realism». This term was introduced by the well-known literary critic A. Lubomudrov in the process of a careful analysis of the works of these authors created during the period of emigration. He argues that this is a method of «artistic mastery of spiritual reality, i.e., the reality of the spiritual level of the universe and the spiritual sphere of human existence» (Lubomudrov 2003: 38). In this article various variations of this method are investigated: «realism in the highest sense», which was first discussed by F. Dostoyevsky, «Christian realism» (V. Zakharov and I. Esaulov) and «Orthodox realism» (N. Konyaev). The creators of these terminological combinations believe that the term «spiritual realism» is largely inferior to these methods, since it does not cover the depth of the message of the Christian worldview that Russian writers originally laid down in their works, adhering to spiritual themes in their creative work. However, when correlating the main provisions of these methods, following the opinion of A.P. Chernikov, M.M. Dunaev and other literary critics, we come to the conclusion that Shmelev and Zaitsev's works were realized within the framework of spiritual realism, which allowed the authors to create images of Orthodox Russia with the aim of establishing a positive spiritual ideal, understood in Christian traditions.

Key words: Shmelev; Zaitsev; realism; impressionism; spiritual realism; Christianity.

About the author: Lysenko Lidiya Anatolyevna, teacher of Russian language and literature of secondary school №3 of the city of Nizhnevartovsk.

Проблема отнесения творчества любого автора к тому или иному литературно-художественному методу всегда актуальна. Особенно это касается авторов, которые не укладываются в рамки традиционной классификации.

Реалистическая основа творчества И. Шмелева и Б. Зайцева неоднократно отмечалась литературоведами, хотя Шмелев, например, всегда стоял вне всяких литературных школ, течений и направлений. Он сам – и направление, и школа. Однако такие произведения Шмелева, как очерки «На скалах Валаама» (1897), повести «Распад» (1907), «Господин Уклекин» (1908), «Человек из ресторана» (1911) свидетельствуют о том, что писатель осознавал человека социально обусловленным и был внимателен к реальной действительности, что подтверждает реалистическую основу его творчества. Позднее, следуя реалистичному методу создания произведений, Шмелев создает поэму в прозе «Лето Господне», «Богомолье», в которых четко отражается характерный для писателя православный взгляд на мир, а также

созданы многоаспектные образы православной России, являющиеся их смысловым центром. Подчеркнем, тема православной веры, духовного устройства общества живо волновала писателя во все периоды творчества. Зачатки религиозного мироощущения можно наблюдать в цикле очерков «На скалах Валаама» и в самой известной дореволюционной повести «Человек из ресторана», насыщенной показателями будущего обращения писателя к глубокой вере. Чувством веры и предвкушением духовного преображения мира проникнут финал эпопеи «Солнце мертвых», созданной в первые, самые сложные, годы эмиграции. Но, пожалуй, вершиной (квинтэссенцией) онтологически обусловленного религиозного творчества Шмелева стала поэма «Лето Господне». В ней с методичной реалистичностью изображен быт православной семьи, а через нее – жизнь и быт всей верующей Москвы и всей православной России, образ которой включает множество аспектов. Это и колоритное описание традиций православных праздников, и углубление в духовную историю, значение праздника; и описание Таинств, и примеры излечения духовными способами, помимо лечения врачами. Это и особое устройство «одухотворенного» быта, как дома главного героя, так и всей Москвы. Это и художественные образы верующих людей, образующих собирательный образ православного народа России, для которого важное духовно-нравственное значение имеет «глубинная связь поколений, передающих силу духа своим потомкам» (Акимов 2010: 129). Это и пространство, изобилующее изображениями храмов и куполов, и время, подчиненное церковному календарю. Наконец, еще одним важным аспектом образа православной России в произведении является художественная речь – русская, с обильным включением простонародной лексики и церковнославянизмов. Таким образом, можем заключить, что произведение создано в рамках метода «духовный реализм», так как в произведении отражается именно духовный взгляд автора и описывается духовный уровень развития общества.

Дореволюционное творчество Б. Зайцева – это поэтическая стихия, избравшая формой прозу. Проза Зайцева проникнута духом музыки. Его называли «поэтом прозы». Такая метаморфоза оправдана литературными влияниями начала XX века. Творческим воздухом на рубеже XIX–XX веков был символизм. Зайцев ощущает рождение в своей писательской лаборатории нового для себя типа писания – «бессюжетный рассказ-поэма». В журнале «Курьер» начинают публиковаться его импрессионистические этюды, в которых Зайцев последовательно придерживается отсутствия ярко выраженного сюжета. Импрессионистические черты Зайцев сохранит в своем творчестве навсегда.

Импрессионизм в литературе – (фр. *impressionisme*, от *impression* – впечатление) – одно из литературных стилевых явлений, распространившееся в последней трети 19 – начале 20 вв. Импрессионизм как метод впервые появился в живописи, затем распространился на другие виды искусства. Термин возник, когда в 1874 на выставке в Париже молодых художников, отвергнутых официальным Салоном, К. Моне представил свою картину «Впечатление. Восход солнца» (1872). «Впечатление» (*impression*) дало название новому направлению, которое в основном проявилось в живописи (Энциклопедия «Кругосвет»). В литературе, в отличие от живописи, импрессионизм не сложился как отдельное направление. Скорее можно говорить о чертах импрессионизма внутри разных направлений эпохи.

Импрессионизм требует правдивости, верности первому впечатлению. Впечатление же зависит от конкретного темперамента, оно субъективно и мимолетно. Поэтому в импрессионистической литературе, как и в живописи, используются «крупные мазки»: одна интонация, одно настроение, замена глагольных форм назывными предложениями, замена обобщающих прилагательных причастиями и деепричастиями, выражающими процесс, становление. Объект дается в чем-то восприятии, но и сам воспринимающий субъект растворяется в объекте.

В.Т. Захарова отмечает, что «импрессионизм – искусство, сообщающее человеку радость от простых естественных, но одновременно сказочно богатых даров бытия: счастья жить, счастья быть этом мире солнца света, воды, цветов, деревьев» (Захарова 2012: 19). Однако исследователь подчеркивает, что в литературе 20 века импрессионизм взаимодей-

вал с реализмом: «В прозе отразилось двуединство импрессионистического принципа: характер объективного субъективного вытекал из подвижной их взаимосвязи. При этом субъективное начало, явно преобладающее, всегда исходило от внешнего, реального. С другой стороны, самоуглубление личности было направлено на раскрытие определенных объективных явлений» (Захарова 2012: 26). Таким образом, Б. Зайцев синтезировал в своих произведениях импрессионистический взгляд на мир, внимание к объективной действительности, характерное для реализма, и глубокое духовное понимание жизни, воплотившееся в методе духовного реализма; «импрессионизм, изначально понимаемый как «философия мгновения», оказался для него соизмеримым с непреходящими вечными ценностями бытия, связанными с постижением христианских истин» (Захарова 2012: 173). При этом в художественном сознании Шмелева также наблюдаются импрессионистические черты: «В оригинальном личностном ракурсе во взгляде на мир героев рассказа, во взаиморастворенном пении «всех голосов бытия», ощущении космического всеединства. Самобытность шмелевского мироощущения здесь – в сильном эмоциональном потоке мысли социальной, необходимой составляющей этого всеединства В поэтике рассказа это выражено – через фольклорно-сказовое, притчевое начало, формирующее стержень импрессионистического течения раздумий героев» (Захарова 2012: 191).

Впоследствии Шмелев и Зайцев, культивировавшие в своих произведениях тему «Святой Руси», в которой воплотилась стихия религиозного сознания русского народа, творят в рамках *духовного реализма*. Данный термин является неоднозначно воспринимаемым литературоведами и сопровождается в литературоведении множеством вариантов.

Так, В. Маркович, рассуждая о развитии *классического реализма* и выделении в нем нового метода, выделяет «по слову Достоевского, <...> реализм в высшем смысле» (Маркович 1993: 27). Он отмечает, что уже «в кругозор русских реалистов-классиков (Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова) входит категория сверхъестественного», при этом «общественная жизнь, исторические события, метания человеческой души получают трансцендентный смысл, и начинают соотноситься с такими категориями как вечность, высшая справедливость, провиденциальная миссия России, конец света, Страшный суд, царство Божие на земле» (Маркович 1993: 28). При этом исследователь считает, что таким образом русский реализм «неизбежно заряжается духовным максимализмом» (Маркович 1993: 28). Как следствие появляется либо новое направление, либо разновидность литературного стиля.

Обращая внимание на такие критерии реализма, как «верность действительности, социально-психологический и, начиная с «Евгения Онегина», исторический детерминизм», В. Захаров вслед за В. Марковичем сосредотачивает внимание на появлении «*христианского реализма*», считая, что это «реализм, в котором жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова». Более того, В. Захаров, рассуждая о пути русской литературы, пишет, что «путь русской литературы в ее высших свершениях последних столетий это путь обретения русским реализмом Истины, которая явлена Христом и «бысть Словом»» (Захаров: электронный ресурс).

Этим же термином предлагает пользоваться и И.А. Есаулов, считая термин «*духовный реализм*» «не вполне удачным для обозначения особенностей видения мира русскими писателями». Он подчеркивает, что «само понятие христианского реализма – явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма): речь идет о трансисторическом творческом принципе, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры» (Есаулов: электронный ресурс).

Н. Коняев предлагает ввести еще один термин – *православный реализм*, считая, что для писателя самая важная тема – тема спасения души: «Это и следует назвать православным реализмом – художественным методом, совмещающим познание мира и спасение собственной души. Этим художественным методом и пользовались, порою сами того не сознавая, ге-

ниальные русские писатели, в этом методе и достигало их творчество наиболее полного и яркого результата. И напротив, если писатель не разделял принципов православного реализма, то в его творчестве всегда обнаружится стремление осмеять Божий мир, попытка разрушения его, сатанинская гордыня таких авторов порою начинает заслонять и сам от Бога полученный ими дар...» (Коняев: электронный ресурс).

К. Степанян в своей диссертации «Проблема духовного становления творческой личности в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции» высказывает мнение о том, что произведения И. Шмелева, Б. Пастернака, А. Солженицына, У. Фолкнера, несмотря на то, что многие исследователи считают их преемниками Достоевского, не могут в полной мере быть отнесены к творческому методу *«реализм в высшем смысле»*, так как «пристрастно-субъективный взгляд автора смещает центр тяжести изображаемого мира, что приводит к смещению и разъединению его уровней, (Степанян 2013: 16), служит препятствием для воссоздания целостности мира во всем его объеме и глубине, не позволяет воплотить гармоничное сосуществование всех уровней реальности, переносит внимание читателя от воссоздаваемого мира на «образ автора». Однако общее развитие литературы в XX веке и в начале XXI века дает основание говорить о широких перспективах «реализма в высшем смысле» как творческого метода» (Степанян 2013: 17).

Учитывая вышеприведенные мнения, считаем, что творчество И. Шмелева и Б. Зайцева относится к «духовному реализму», которым, в понимании М. Любомудрова, следует считать метод «художественного освоения духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» (Любомудров 2003: 38). Именно исследуя творчество Шмелева и Зайцева, ученый выделяет этот метод. Этим термином оперирует и А. П. Черников, считая, что духовный реализм это «воплощение в художественном произведении неразрывной связи Земли и Неба, устремленность писателя к Абсолюту и глубокий интерес к делам земным, к образу воцерковленного человека, к его жизни и духовным исканиям, к историческим судьбам Родины. Этот реализм отражает реальность присутствия Иисуса Христа в мире, наличие в земных проявлениях жизни человека небесных черт» (Черников 2003: 18).

М. Дунаев также исследует реализацию метода духовного реализма в произведениях Шмелева и Зайцева, считая, что эти авторы создали и усовершенствовали его: «Шмелев сумел преодолеть реализм, выйти за его рамки, найти выход из тупиков, созданных реалистическим типом художественного отображения. И он нашел выход не посредством «горизонтальных» перемещений на уровне реализма, но – движением «по вертикали», ввысь» (Дунаев 2003: 709).

В своей диссертации «Проза Бориса Зайцева: наследие Серебряного века и духовный реализм» М. Ветрова, основывая исследование на определении творческого метода Б. Зайцева как духовного реализма, считает, что «одна из важнейших задач духовного реализма – создание образа положительного героя, которым является, как правило, воцерковленный мирянин, инок, праведный или святой человек» (Ветрова 2009: 22).

Считаем, что творчество Шмелева и Зайцева преследует одну из важнейших задач духовного реализма – создание авторами образа православной России с целью утверждения положительного духовного идеала, понимаемого в христианских традициях.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов В.А. 2010. От Блока до Солженицына: Путеводитель по русской литературе XX века. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб».
- Ветрова М.В. 2009. Проза Бориса Зайцева: наследие Серебряного века и духовный реализм: Дис. ... канд. филол. наук. Симферополь.
- Дунаев М.М. 2003. Творчество И.С. Шмелева (1873-1950) // Православие и русская литература. Ч. 5. М.
- Есаулов И.А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37307.php> (2016, 22 марта).

Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // http://www.portal-slovo.ru/philology/37309.php?ELEMENT_ID=37309 (2016, 22 марта).

Захарова В.Т. 2012. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Н. Новгород: НГПУ.

Любомудров А.М. 2003. Духовный реализм в литературе Русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин.

Маркович В.М. 1993. Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX века // Известия РАН. Отделение литературы и языка Т. 52, № 3, 26-32.

Степанян К.А. 2007. Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. М.

Черников А.П. 2003. Опыт духовного романа: «Пути Небесные» Ивана Шмелева // Лит. в школе № 2, 13–18.

Энциклопедия «Кругосвет» // http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/IMPRESSIONISM_V_LITERATURE.html (2016, 22 марта).

УДК 82:398.2

О.С. Ращупкина, Ф.А. Клочков

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА ХАНТЫЙСКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Аннотация. Данная статья посвящена малоизученной проблеме – анализу мотивной структуры хантыйских народных волшебных сказок.

Актуальность нашего исследования определяется тем, что мы живем в Югре – территории, которую истари населяли народы ханты и манси, поэтому каждый человек должен знать культуру, традиции своей малой Родины. В настоящее время большое внимание уделяется проблемам коренных малочисленных народов севера, в том числе вопросам сохранения их языка и культуры. В связи с этим особую значимость приобретает вопрос самобытности, оригинальности литературы хантов. Изучение любой национальной литературы следует начинать с ее истоков, то есть с фольклора. В нем воплощены идеалы и стремления людей, их представления об окружающем мире. А сказки по праву можно считать нравственным кодексом народа, так как в них своеобразным способом оформлены эстетические, нравственные, философские законы, по которым он развивается.

Так как мотив – это одна из основополагающих литературоведческих категорий, наш интерес к теме объясняется желанием понять, создана ли в хантыйских народных волшебных сказках через особую мотивную структуру самостоятельная традиция сказочного повествования.

Для достижения цели работы мы решили ряд задач, в частности, раскрыли жанровое своеобразие хантыйских сказок, познакомились с разными подходами к классификации мотивов и проанализировали мотивы хантыйских народных волшебных сказок, опираясь на морфологический подход, основоположником которого был В.Я. Пропп.

Положенные в основу исследования сравнительно-сопоставительный и описательный методы позволили выявить особенности мотивной структуры хантыйских народных волшебных сказок.

Результаты данного исследования могут быть использованы преподавателями русского языка и литературы при реализации часов регионального компонента, отводимых на изучение литературы Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Ключевые слова: мотив; мотивная структура; морфологический подход; хантыйские народные волшебные сказки.

Сведения об авторах: Ращупкина Ольга Станиславовна¹, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, преподаватель русского языка и литературы МБОУ «Лицей»; Клочков Фёдор Анатольевич², обучающийся 8 класса МБОУ «Лицей».

Контактная информация: 628615, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 17 А, ауд. 215; тел. 89129379700¹, тел. 89324301995²; e-mail: 77ros@mail.ru¹; e-mail: t.klochkova@bk.ru².